

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-211-221

Научная статья

Концентрационные лагеря нацистской Германии как феномен: возможности и проблема понимания

Б.Г. Якеменко

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В данной статье речь идет о нацистских концентрационных лагерях как феномене социальной жизни и общественной мысли Европы середины – второй половины XX столетия. Сегодня, когда мир переживает кризис политических и общественных институтов, остается все меньше надежд, что это осознание произойдет. Говорится о предпосылках формирования системы концентрационных лагерей нацистской Германии, о формах их функционирования, приводятся сравнительные данные о статистике количества лагерей. Также указывается на важность понимания процессов психологического уничтожения человека в лагере.

Ключевые слова: концлагерь, нацизм, психология, заключенный, феноменология, память, тоталитаризм

Система концентрационных лагерей нацизма (или, в терминологии Д. Руссэ, «Концентрационного мира»), невзирая на обилие специальной литературы на эту тему, является феноменом, который только сегодня историческая наука начинает для себя раскрывать. Особенно сложной сферой для исследователей был и остается внутренний мир узников лагерей, ментальные, психологические и физические состояния, в которых оказывались заключенные. Это связано с тем, что одной из самых сложных проблем, с которой сталкивается исследователь феноменологии Концентрационного мира, становится непосредственно проблема понимания указанного явления. Возможно ли понять эту феноменологию и если возможно, то в какой степени?

Даже наличие значительной источниковой и историографической базы заставляет прийти к выводу, что исчерпывающее понимание этого феномена (если не ударяться в мистику и не редуцировать Концентрационный мир ис-

© Якеменко Б.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ключительно к формам выражения патологий человеческой личности) чрезвычайно затруднительно. Это подметил еще Ж. Лакан на одном из своих семинаров. «В современной истории остается нечто такое, – говорит он, – что для всех критических оценок лежит, по прежнему, за семью печатями. Я имею в виду породившую чудовищное, и оставшееся якобы в прошлом, явление холокоста драму – драму нацизма. Никакая основанная на гегельяно-марксистских предпосылках историческая концепция не может, на мой взгляд, дать вулканическому этому выбросу объяснение. И это доказывает, что жертвоприношение темным богам остается чем-то таким, чьему чудовищному обаянию редкий субъект способен, и в наши дни, не поддаться» [1. С. 291].

Философ Э. Факенхайм также считает, что уникальность произошедшего непостижима по определению. «Возможно, однажды мы сможем объяснить, как это произошло – но сумеем ли когда-нибудь объяснить, почему это произошло?... Прежде всего, невозможно поверить, что такое уникальное событие произошло при нашей жизни... Если все же событие должно быть поверено разумом, тогда соответствующая категория ... осознается достаточной для понимания события; однако разум, по врожденной привычке, неизбежно сопротивляется мысли о том, что в случае уникального характера события данные категории – именно потому, что они не более чем категории – недостаточны для постижения события, а по существу, лишь являются средствами обойти событие. И, наконец, существует общеизвестная философская проблема: может ли “уникальное” – уникальное любого рода – вообще поверяться мыслью?» [2. С. 10]. Таким образом, существующие методы понимания (прежде всего, сравнительно исторический анализ) Концентрационного мира, который ни с чем нельзя сравнить, неизбежно приведут к натяжкам и упрощениям.

Есть еще одна существенная проблема. Психолог В. Франкл, переживший концлагерь, писал, что при рассмотрении этого явления «внешний наблюдатель находится на слишком большой дистанции и едва ли в состоянии прочувствовать ситуацию, то тот, кто был “внутри” ее и вжился в нее, находится на чересчур малой дистанции. Другими словами, принципиальная проблема заключалась в том, что приходилось вводить допущение» [3]. То, что произошло в концентрационных лагерях нацизма, находится за пределами любой рациональности, за границами любой науки. Можно объяснить пассивность и апатию, пользуясь психологическими категориями «выученной беспомощности» [4], а жестокость эсэсовцев патологиями, алчностью, садизмом, необходимостью, но Концентрационный мир не делится без остатка на эти объяснения.

Масштаб трагедии концентрационных лагерей гораздо больше человеческих возможностей ее постижения, не говоря уже о том, что вторичное погружение во все закоулки ужасов, там происходивших, было не по силам порой даже тем, кто это видел своими глазами и потом пытался осмыслить. Не случайно бывшие узники Освенцима и Трешлинка, такие как П. Леви, Ж. Амери, Р. Глацар, Т. Боровски, которые попытались постичь феномен

Концентрационного мира, в итоге покончили с собой, не будучи в состоянии пережить все произошедшее еще раз. По точному замечанию И. Кертеса, «освобождение лагерей только отсрочило приговор, который избранные смерти позднее нередко приводили в исполнение сами» [5]. Самому И. Кертесу удалось избежать самоубийства, очевидно, только благодаря созданию романа «Самоликвидация», где кончает с собой его альтер эго – писатель и переводчик Б., прошедший через лагерь. Примечательно, что глубокое проникновение в тему Концентрационного мира, попытки взглянуть на него изнутри приводили к подобному трагическому концу даже тех, кто сам не был узником. Это, например, американский психолог Терренс де Пре, автор одной из наиболее глубоких книг по психологии выживания в концентрационном лагере [6], или американский писатель польско-еврейского происхождения Ежи Косински, практически все книги которого были посвящены Холокосту.

В целом именно позиция наблюдателя, который в процессе наблюдения во многом и становится тем самым «допущением» В. Франкла, становится главным препятствием на пути к пониманию описываемого феномена, так как Концентрационный мир в том виде, в котором он предъявляет себя, существует только как объект, во многом формируемый процессом наблюдения. Последнее устанавливает связь, выстраивает отношения с объектом, который чувствует это отношение. Наблюдателю необходимо понять, понимается объект или нет, способен ли он произвести понимание или нет. Отношение объекта к наблюдателю так же важно, как и наблюдателя к нему.

Проблема понимания феномена Концентрационного мира состоит еще и в психологической ошибке, которую неизбежно делает наблюдатель. Именно потому, что она психологическая, ее трудно заметить и еще труднее избежать. Понимание, которое наблюдатель демонстрирует по отношению к жизни и страданиям заключенного в лагере, во многом основано на том, что наблюдатель не представляет себе, как бы сам он на его месте жил и выносил подобные мучения и поэтому приписывает заключенному свои собственные чувства и эмоции. В данной ситуации понимание неосознанно подменяется следствиями аберрации мысли, фантазиями, поскольку в описанной схеме наблюдатель представляет себе заключенного как обычного человека, то есть как себя, вынужденного переносить страдания заключенного. В этом кроется основная ошибка, так как заключенный представляет собой совсем иное, в корне измененное состояние человеческой природы, причем измененное не только духовно, ментально, но и телесно, он ощущает все по-своему, не только сознанием, но и телом, и чтобы понять это, надо им стать.

Разнообразные страдания, которые составляют нерв и суть жизни заключенного, так подчиняют его себе, что между страданием и заключенным устанавливается система взаимоотношений, в которой огромную роль играют скрытые механизмы психики, неисследованные ресурсы тела, о которых ранее заключенный не подозревал, а наблюдатель при всем желании не может принять это в расчет. Страдания в лагере имеют более или менее понятные

пределы, дойдя до которых большинство умирает. Те же узники, кому удастся сохранить жизнь, переходят в фантомное состояние, которое, как мы увидим, является непознанным феноменом, областью предположений и описаний, которые имеют соотносительный характер и оттого не могут считаться объективными, так как, по точному замечанию А. Неера, «Освенцим нельзя сравнить ни с чем» [7. С. 50]. То есть Концентрационный мир можно описать как тотальный кризис репрезентаций. Кроме того, эти состояния могут быть опять же описаны и познаны только изнутри Концентрационного мира, с исчезновением которого навсегда исчезла и возможность достоверного описания. Те же самые механизмы не дают возможности понять палачей – поставить себя на их место даже на минуту намного сложнее, нежели на место узников.

Не меньшую проблему представляют собой свидетельства бывших узников. Говоря о непосредственных свидетелях произошедшего, неизбежно приходится сталкиваться с рядом противоречий, которые можно обозначить как «проблема свидетеля», ибо свидетель из Концентрационного мира – это не свидетель дорожной автомобильной катастрофы – последнее явление случайное, спонтанное, неотрефлексированное. Напротив, во многих воспоминаниях выживших узников можно видеть тезис о том, что желание стать свидетелем часто являлось единственной рефлексией происходящего и становилось реальной и последней возможностью выжить.

Однако возможно ли стать свидетелем того, что происходило в концентрационных лагерях? И кого можно считать настоящим свидетелем? При определении «статуса свидетеля» возникает ряд трудноразрешимых задач. Прежде всего, любой свидетель свидетельствует только о том, что он непосредственно видел вокруг себя. Даже если таких свидетельств множество, ни одно из них не более доказательно и не менее субъективно, чем чье-то другое. В результате возникает ситуация, когда все слова в предложении понятны, но общий смысл предложения остается неясным и невозможно понять, есть ли вообще этот смысл. То есть бытие в лагере существует только как сумма частей в событиях или даже не в событиях, а в социальных и биологических происшествиях, что и фиксируют сохранившиеся свидетельства. Тем более, что Концентрационный мир, если применять к нему архитектурную терминологию Р. Колхаса, был «неместом», попадая в которое, человек оказывался «нигде». В этих условиях обрести почву под ногами, «особыть» бытие, оказаться «где-то», стать свидетелем, можно было только предельным усилием структуры сознания, то есть путем интерпретаций.

В итоге Концентрационный мир неизбежно оказывался пространством постоянных интерпретаций, то есть любое свидетельство было максимально субъективировано. М. Мамардашвили и А. Пятигорский считали, что когда связь между сознанием и интерпретацией оказывается неразделимой, возникает миф [8. С. 70]. Таким образом, мы еще раз приходим к выводу, что Концентрационный мир – это мифологическое пространство, а не пространство истории, что подчеркивается закономерностью, подмеченной Р. Жираром – в пространстве мифа всегда существуют только боги и никогда их жертвы

[9. С. 45]. Однако это мифологическое пространство стало реальностью и фактом именно благодаря беспрецедентному количеству жертв. Тем не менее, свидетельство о мифе – это нечто совсем иное, нежели свидетельство о событии.

Любое глобальное явление, как правило, всегда больше, чем математическая сумма его составляющих, что более чем актуально для такого явления, как Концентрационный мир, где скрещиваются несколько уровней реальности, ее восприятия и оценок. Поэтому первая проблема заключается в необходимости перейти с уровня суммы свидетельств (фиксированных событий) на уровень понимания целостного явления (бытия).

Другая проблема свидетеля (внутреннего наблюдателя) заключается в том, что позиция наблюдателя превращает происходящее перед ним в зрелище, явление, историческое событие, восприятие которого напрямую зависит от визуального опыта наблюдающего. Иными словами, опытный театральный зритель или истинно верующий видит окружающее иначе, нежели человек, не имеющий подобного опыта. Один воспринимает окружающее, как игру, другой как конфликт видимой и невидимой реальности и т.д. Однако Концентрационный мир – это не зрелище, не явление и не событие, а внеисторическое бытие в точке своего предела, и поэтому прежний опыт наблюдателя, как правило, выхватывает из этого бытия только то, что является привычным и доступным для понимания самого наблюдателя. То есть опять же целостная онтология Концентрационного мира ускользает от наблюдения и остается неотрефлексированной и незафиксированной.

Кроме того, когда все подробности, извлеченные из памяти свидетеля, становятся нарративом, возникает еще одна проблема – данный нарратив испытывает сильное влияние чисто человеческой субъективности (как уже говорилось выше, в пространстве интерпретаций субъективность достигает своего абсолюта), которая формируется не только самим свидетелем, но временем, прошедшим с момента заключения, позицией вопрошающего (если это интервью), целями и задачами воспоминаний, социальным опытом и отношением окружающего мира к проблеме лагерей («многофакторному» субъективизму свидетеля посвящена часть известной работы Л. Нитхаммера) [10. С. 9–95]. В результате предъявленные свидетельства становятся пространством, которое осваивается только с помощью герменевтического опыта воспринимающего, той территорией, где опыт субъекта излагающего становится предметом рефлексии субъекта слушающего.

Можно выделить еще одну психологическую особенность свидетеля, особенно того, который получил тяжелейшую травму в лагере. Такая масштабная травма, ставшая псевдоморфозой, но неотъемлемой частью личного опыта и памяти свидетеля, исключает возможность ее передачи кому-либо, адресат становится не нужен. Любая попытка свидетельствовать об этой травме приводит к ликвидации адресата, так как описать и адекватно передать эту травму невозможно прежде всего потому, что достоверность боли – предельно личная категория, приводящая к обреченности высказанного. Поэтому эта попытка неизбежно заканчивается монологом, обращенным на са-

мого свидетеля, феноменальность редуцируется в ноуменальность, говорящий и слушающий совпадают в одном лице, трагический опыт пережитого достигает пределов личного и максимума неотъемлемости.

Все это усиливает ощущение невозможности ни адекватно передать пережитую травму, ни достичь адекватного понимания без утраты достоверности, то есть истинности произошедшего. В попытках быть услышанным свидетель вынужден расчленять невозможный для понимания опыт травмы на доступные для передачи адресату и уровня его восприятия фрагменты, которые тем самым утрачивают обязательную достоверность и становятся только символами травмы. Символ воображаемого присутствия травмы дает возможность говорить о ней, но заранее исключает понимание, так как для адресата этот символ есть лишь средство обретения дополнительного эстетического опыта и информации о прошлом.

Философ Джорджио Агамбен, рассматривая свидетеля в Концентрационном мире, ставит еще один очень важный вопрос – о статусе этого свидетеля. Кто может считаться настоящим свидетелем? Отвечая на этот вопрос, Д. Агамбен, следом за П. Леви («не мы, оставшиеся в живых, настоящие свидетели» [11. С. 68]) делает парадоксальный вывод – настоящий свидетель – тот, кто не выжил. Выживший не является свидетелем в полной мере, так как «свидетель свидетельствует обычно во имя правды и справедливости и они придают его словам прочность и полноту. Но здесь свидетельство в сущности равняется тому, что в нем отсутствует. Содержит в своей сердцевине несвидетельствуемое, которое лишает выживших авторитета. «Подлинные» свидетели – это те, кто не свидетельствовал и никогда бы не смог этого сделать. Это те, кто «достиг дна», «мусульмане», канувшие. Выжившие в качестве псевдосвидетелей говорят вместо них по доверенности: свидетельствуют об отсутствующем свидетельстве» [12. С. 35].

Профессор К. Карут в своей работе «Травма, время и история» [13] переосмыслила агамбеновскую фигуру свидетеля, переозначив выжившего свидетеля как символически погребенного заживо и поэтому вынужденного после лагеря постоянно восстанавливать даже не свое право свидетеля, а право иметь право быть свидетелем. Для чего ему приходится все время возвращаться в свою историю, биографию, которых уже нет – ни лагерных, ни долагерных – постоянно восстанавливая свою не подлежащую восстановлению идентичность. В результате именно к этому сводится свидетельство. В качестве примера К. Карут опирается на произведение О. Бальзака «Полковник Шабер», где главный герой по ошибке погребен заживо в братской могиле. Ему оттуда чудом удается выбраться, но выясняется, что свидетельство о его смерти имеет большее значение для общества, чем присутствие самого полковника как живого человека. Поэтому все притязания героя на свое имя, собственность и даже жену признаются неправомерными, в том числе и его ближними, которым его смерть выгодна. В результате свидетель вновь оказывается в ситуации, когда он может свидетельствовать только о своем личном опыте, но не о том глобальном, что был в лагере, а

социум, не понимающий свидетеля, как бы всякий раз во время свидетельства хоронит его повторно в логике дурной бесконечности. В этих условиях даже живому свидетелю для того, чтобы сохранить этот статус, остается или молчать, или умереть.

В связи с этим необходимо определиться со статусом живого, но молчащего свидетеля. На сегодняшний день письменных или зафиксированных устных свидетельств о лагерях остались десятки тысяч, но в любом случае этих свидетельств гораздо меньше, чем выживших в лагерях узников. Но свидетель, не рассказавший о своем опыте, все равно не утрачивает статус свидетеля. Он «удерживающий теперь» свидетельство до тех пор, пока не будет «взят от среды» (Фес. 2.6–7), свидетель, сознательно лишаящий себя возможности изменить пространство памяти своим текстом. Невысказанное свидетельство, то есть память в чистом виде, трансцендентно относительно нарратива, но, заключающее в себе потенциальную возможность быть высказанным, оно имеет большую ценность и представляет большой интерес относительно свидетельства уже высказанного и зафиксированного. В совокупности и то и другое вновь составляет онтологию Концентрационного мира, которая ускользает от понимания.

Затрудняет понимание феноменологии Концентрационного мира и масштаб уничтожения узников лагерей. Смысл гибели миллионов заключенных становится главным вопросом, ответ на который должен одновременно дать понимание общей феноменологии рассматриваемого явления. Может показаться парадоксальным, но смерть узников – это не апофеоз, к которому все устремлено в Концентрационном мире, а одна из составляющих системы, феноменологически и семиотически находящаяся не «над», а «с», «рядом» с другими формами выражения системы. То есть голод, насилие, обнажение, труд в лагере как феномены не менее значимы и важны для понимания, нежели смерть и сосредоточение исследователя на последней или вообще придание особой значимости любому из указанных элементов неизбежно ведет к утрате понимания ключевых черт других важнейших явлений бытия Концентрационного мира и не дает возможности сформировать целостную картину явления.

Еще одна проблема состоит в том, что невозможно полностью отделить те составляющие этого мира, которые возникли только благодаря работе административной машины (следствие выполнения приказов, распоряжений, реализации планов) от тех составляющих, которые возникли как следствие работы запущенных механизмов «коллективного бессознательно». Бывший министр внутренних дел нацистской Германии В. Фрик, отвечая в 1946 г. на вопрос о том, как стали возможны массовые убийства евреев, говорил, что при разработке Нюрнбергских законов никто и не помышлял о массовых убийствах, «все вышло само собой» [14. С. 13]. «И правда странно, что ни бюджета, ни плана, ни соответствующих распоряжений по реализации трудной и дорогостоящей операции обнаружить не удалось, а ведь немцы народ аккуратный, и какие-либо документальные следы финанси-

вания огромных масштабов предприятий в бухгалтерской отчетности должны были сохраниться» [15. С. 456] – отмечает А. Туз. То есть с момента возникновения системы концентрационных лагерей роль указанного «коллективного бессознательного» и его место в лагерной действительности все время возрастали и с течением времени стали прямо или косвенно определять ход и формы работы административной машины.

Отсюда возникает еще одна сложность, препятствующая пониманию. Концентрационный мир благодаря указанной выше закрытости породил внутри «коллективного бессознательного» свой собственный язык, соответствующие ему психологические состояния и внутренние связи, которые исчезли вместе с ним. Поэтому аксиоматика действующих лиц в пределах этого мира и связи, которые возникали между этими лицами, были уже изначально совершенно непонятны за его пределами. Это подтверждает общая идея Ф. Соссюра, заключающейся в том, что язык – это система, которую можно исследовать исключительно изнутри. Осложняет положение то обстоятельство, что эта аксиоматика, как указывалось выше, была не до конца понятна и тем, кто находился внутри. В воспоминаниях выживших постоянно встречается удивление и недоумение заключенных по поводу самих себя, совершенно неожиданной логики поступков, высвобождающейся самостоятельно, без усилий и желания субъекта. Это «двойное непонимание» невольно в той или иной степени превращает любую подобную работу в «археологию ментальности», позволяющую, по законам жанра, ретроспективно восстановить картину Концентрационного мира лишь отчасти, восполняя отсутствующие детали работой воображения и упомянутыми выше допущениями различного рода.

Кроме того, Концентрационный мир существовал чуть больше 10 лет, и возникшие в его пределах принципиально новые состояния тела, духа, сознания человека обогнали существующие механизмы понимания и вербализации, а внезапное крушение этого мира не позволило выработать новые механизмы осмысления и трансляции произошедшего. Не случайно бывший заключенный Эли Визель писал: «Те, кто не узнал этого на себе, никогда не поймут; те, кто испытал, никогда не расскажут; все будет неверно, неполно. Прошлое принадлежит мертвым» [16. С. 314].

Казалось бы, перечисляя указанные выше факторы, автор настоящей статьи сознательно отказывает исследователям в возможности любых попыток понимания феномена Концентрационного мира. Однако это не так. Следует иметь в виду, что не понятый до конца феномен не просто сохраняет, но усиливает свою актуальность (окончательно понимание уничтожает актуальность), и чем более он не понят, тем более он актуален, особенно если речь идет о Концентрационном мире. Поэтому если этот мир кажется недоступным для понимания, это не отменяет необходимости стремления понять то, как он функционировал и что представлял собой. Эта недоступность для понимания является обязательным условием существования исторической науки и открывает перспективы ее дальнейшего развития.

Следует подчеркнуть, что стремление авторов работ к пониманию, на наш взгляд, не должно быть нацелено на историографическое преодоление трагического прошлого и оценки последнего, тем более что такое прошлое непреодолимо по определению, а в конечном итоге указанное стремление должно, прежде всего, дать знание того, как это прошлое может проявить и проявляет себя в настоящем. То есть современная историография данного феномена должна ставить перед собой задачу рассмотрения феноменологии Концентрационного мира, по точному выражению Б. Эйхенбаума, «не из прошлого... а из актуальности как таковой» [17. С. 12]. Кроме того, исследование данного явления дает возможность отделить в истории чрезвычайное от систематического, ибо чрезвычайное всегда уникально, систематическое схематично и доступно для тиражирования, а следовательно, воспроизводимо в любое время, в том числе и в наше. Следовательно, у исследователя появляется возможность вычленив элементы Концентрационного мира из существующей реальности и маркировать их как некие «тревожные зоны», «территории особого внимания». Удачный опыт такого рода вычленения нацистских элементов из современной культуры существует – достаточно указать как пример работу С. Сонтаг «Магический фашизм» [18. С. 62–89], посвященную расшифровке внутренних нацистских смыслов послевоенного творчества Л. Рифеншталь.

Следует также указать на еще одно важное обстоятельство. Процесс изучения и понимания тех или иных исторических явлений можно обозначить терминами «прецедентное изучение» и «прецедентное понимание», то есть прецедент, как точка внешнего, и, что особенно важно, регулярного выражения и проявления истории, является необходимым условием приложения и в целом существования знания, а произошедшее событие становится объектом понимания, захватываемого мыслью. Учитывая закономерный процесс вытеснения одного события другим во времени, необходимо признать неизбежность забвения события, забвения, которое происходит в форме распада события, исчезновения его цельности. В связи с этим происходит непрерывный процесс запаздывания событийного изучения и понимания, включается «догоняющее изучение/понимание», не успевающее за регулярно меняющимися друг друга событиями. Не говоря уже о том, что указанный выше процесс изучения обязательно предусматривает сравнительно-аналитический метод, когда все события рассматриваются в детерминированной связи и именно эта связь создает прецедентность.

Однако, рассматривая феноменологию Концентрационного мира, авторы работ неизбежно сталкиваются с феноменом «беспрецедентного», с «уникальной уникальностью» (в терминологии П. Рикера), исключающей прецеденты и возможность сравнения, то есть традиционную почву для знания и понимания. Вместе с этим закономерно исключается и забвение, то есть Концентрационный мир должен рассматриваться как внеисторическая данность, существовавшая не «когда-то», а существующая «отныне». В этих непростых условиях задачей исследователя становится введение уникальности в прецедентность, попытка совмещения этих двух форм действительности и отыскание проявлений взаимовлияния. Таким образом, уникальное

становится важным инструментарием раскрытия дополнительного содержания прецедентности и создания условной структуры, задача которой иначе, нежели ранее, описать то, что произошло.

Поэтому авторы работ по данной теме должны ставить задачу создания в общем и целом такой структуры, с помощью которой возможно приблизиться не столько к пониманию, сколько к осознанию феномена Концентрационного мира. В рамках этой структуры беспрецедентность произошедшего должна быть воспринята адресатом как аксиоматическая данность, как фигура умолчания, дающая возможность домыслить происходящее самостоятельно в тех условиях, когда невыразимость становится не просто необходимым, но важнейшим условием выраженного, неотъемлемой частью нарратива.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лакан Ж. Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанализа. М., 2004.
- [2] E. Fackenheim. *To Mend the World. Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought*, New York, 1989.
- [3] Франкл В. Человек в поисках смысла. <https://1001.ru/books/item/chelovek-v-poiskah-smysla-65/3981>.
- [4] Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб., 2011.
- [5] Кертес И. Холокост как культура. <http://pergam-club.ru/book/6045>.
- [6] Des Pres T. *The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps*. New York., 1976.
- [7] Неер А. Немота Освенцима. За пределами понимания. Богословы и философы о Холокосте. Киев., 2009.
- [8] Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание. М., 2009.
- [9] Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон. М., 2019.
- [10] Вопросы – ответы – вопросы. Методология устной истории. Практический опыт и теоретические размышления. В кн.: Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012.
- [11] Леви П. Канувшие и спасенные. М., 2010.
- [12] Агамбен Д. *Nomo Sacer*. Что остается после Освенцима. М., 2012.
- [13] Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты. М., 2009.
- [14] Нойманн Ф.Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма. 1933–1944 гг. СПб., 2015.
- [15] Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018.
- [16] Wiesel E. *For Some Measure of Humility // Sh'ma: A Journal of Jewish Responsibility*. 1975. № 5.
- [17] Эйхенбаум Б. Нужна критика // Жизнь искусства. 1924. 22 января.
- [18] Сонтаг С. Под знаком Сатурна. М., 2019.

REFERENCES

- [1] Lakan J. *Seminary*. Kn. 11. *Chetyre osnovnye ponyatiya psihoanaliza*. M., 2004.
- [2] Fackenheim E. *To Mend the World. Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought*, New York, 1989.
- [3] Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla*. <https://1001.ru/books/item/chelovek-v-poiskah-smysla-65/3981>.
- [4] Il'in E.P. *Rabota i lichnost'*. *Trudogolizm, perfekcionizm, len'*. SPb., 2011.
- [5] Kertes I. *Holokost kak kul'tura*. <http://pergam-club.ru/book/6045>.
- [6] Des Pres T. *The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps*. New York., 1976.

- [7] Heep A. Nemota Osvencima. Za predelami ponimaniya. Bogoslovy i filosofy o Holokoste. Kiev., 2009.
- [8] Mamardashvili M., Pyatigorskij A. Simvol i soznanie. M., 2009.
- [9] Girar R. Zavershit' Klauzevica. Besedy s Benua Shantrom. M., 2019.
- [10] Voprosy – otvety – voprosy. Metodologiya ustnoj istorii. Prakticheskij opyt i teoreticheskie razmyshleniya. V kn. Nithammer L. Voprosy k nemeckoj pamyati. Stat'i po ustnoj istorii. M., 2012.
- [11] Levi P. Kanuvshie i spasennye. M., 2010.
- [12] Agamben D. Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osvencima. M., 2012.
- [13] Karut K. Travma, vremya i istoriya. Travma: punkty. M., 2009.
- [14] Nojmann F.L. Begemot. Struktura i praktika nacional-socializma. 1933–1944 gg. SPb., 2015.
- [15] Tuz A. Cena razrusheniya. Sozdanie i gibel' nacistskoj ekonomiki. M., 2018.
- [16] Wiesel E. For Some Measure of Humility. Sh'ma: A Journal of Jewish Responsibility. 1975. № 5.
- [17] Ejhenbaum B. Nuzhna kritika. Zhizn' iskusstva. 1924. 22 yanvarya.
- [18] Sontag S. Pod znakom Saturna. M., 2019.

Research article

Concentration camps of Nazi Germany as a phenomenon. Opportunities and the problem of understanding

Boris Yakemenko

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

This article deals with the Nazi concentration camps as a phenomenon of social life and social thought in Europe in the mid-second half of the twentieth century. Today, when the world is experiencing a crisis of political and social institutions, there is less and less hope that this realization will happen. It describes the prerequisites for the formation of the system of concentration camps in Nazi Germany, the forms of their functioning, and provides comparative data on the statistics of the number of camps. It is also pointed out the importance of understanding the processes of psychological destruction of a person in the camp.

Keywords: Concentration camp, Nazism, psychology, prisoner, phenomenology, memory, totalitarianism

Информация об авторе / Information about the author

Якеменко Борис Григорьевич – к.и.н., доцент кафедры Истории России, Российский университет дружбы народов, г. Москва, E-mail: Borislj@mail.ru.

Yakemenko Boris – PhD in History, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, E-mail: Borislj@mail.ru.

Для цитирования / For citation

Якеменко Б.Г. Концентрационные лагеря нацистской Германии как феномен. Возможности и проблема понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 211–221. 10.22363/2312-8127-2020-12-3-211-221

Yakemenko B.G. Concentration camps of Nazi Germany as a phenomenon. Opportunities and the problem of understanding // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 3. P. 211–221. 10.22363/2312-8127-2020-12-3-211-221

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 10.03.2020